

«Капиталовложения в счастье», или Губернаментальная машина сознательности

ИГОРЬ И. КОБЫЛИН

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-4758-2346>

КСЕНИЯ В. ИГАЕВА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-8581-0015>

Рекомендация для цитирования:
Кобылин И. И., Игаева К. В. (2026)
«Капиталовложения в счастье»,
или Губернаментальная машина
сознательности. *Социология власти*,
38 (2): 23–44.
EDN: GNTNJJN

For citation:
Kobylin I. I., Igaeva K. V. (2026)
“Investments in Happiness”, or
the Governmental Machine of
Consciousness. *Sociology of Power*, 38
(2): 23–44.

Поступила в редакцию: 10.06.2025;
прошла рецензирование: 02.10.2025;
принята в печать: 20.03.2026
Received: 10.06.2025; Revised:
02.10.2025; Accepted: 20.03.2026

© Authors, 2026
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: Статья посвящена анализу ОГАС (Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации), разработанной советским кибернетиком Виктором Глушковым. Эта система понималась им не только как радикальный новый шаг в управлении плановой советской экономикой, но и в качестве морально-воспитательной машины субъективации, производящей через кибернетические механизмы обратной связи «счастливого» субъекта. Согласно Глушкову, изобилие является историческим понятием, определяемым либидинальной динамикой: потребности непрерывно растут, а следовательно, полное и окончательное их удовлетворение недостижимо. Нехватка характерна для всех типов человеческого общества, включая, по всей видимости, и коммунистический. Ресурсы будут ограничены всегда и везде, а значит, необходимо воспитать такого субъекта, у которого «сознательность» будет работать в качестве встроенной защиты от либидинального «излишка». Этот субъект должен быть освобожден от фрустрации ненасыщаемого желания, одновременно получая новую техническую возможность искать те сферы деятельности, в которых он мог бы наиболее полно развернуть все богатство своих способ-

ностей. Творческая реализация способностей и неавторитарная регуляция потребностей и составляют формулу «счастья». Однако здесь мы по-прежнему имеем дело хоть и со счастливым, но все еще управляемым субъектом. В отличие от классиков марксизма, Глушков предполагал, что в коммунистическом будущем общество будет управлять не только вещами, но и людьми — пусть это и будет управление не напрямую (и к тому же без репрессивной составляющей), а посредством воздействия на среду — вернее, на сложное переплетение различных сред, прежде всего технической и социальной. На структуре и эффектах коммунистической техно-губернаментальности академик Глушкова и будет сфокусировано исследование.

Ключевые слова: кибернетика, управленчество, новая советская субъективность, управление средой, сознательность, счастье

“Investments in Happiness”, or the Governmental Machine of Consciousness

Igor I. Kobylin

24

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-4758-2346>

Ksenia V. Igaeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8581-0015>

Abstract: The article is devoted to the analysis of the OGAS system developed by the Soviet cyberneticist Viktor Glushkov. This system was understood by him not only as a radical new step in the management of the planned Soviet economy, but also as a moral and educational machine of subjectivation, producing a “happy” subject through cybernetic feedback mechanisms. According to Glushkov, abundance is a historical concept determined by libidinal dynamics: needs are constantly growing, which means that their complete and final satisfaction is unattainable. Scarcity is characteristic of all types of human society, including, apparently, the communist one. And resources will always and everywhere be limited. This means that it is necessary to educate such a subject in whom “consciousness” will work as a built-in defense against libidinal “surplus”. This subject must be freed from the frustration of insatiable desire, while simultaneously receiving a new technical opportunity to seek those areas of activity in which they could most fully deploy the wealth of their abilities. The creative realization of abilities and non-authoritarian regulation of needs constitute the formula of “happiness”. However, here we are still dealing with a subject who is happy but still controlled. Unlike the classics of Marxism, Glushkov assumed that in the communist future, society will control not only things, but also people — even if this will be indirect control (and also without a repressive component), but through influencing the environment — or rather, the complex interweaving of various environments, primarily technical and

social. The structure and effects of Academician Glushkov's communist techno-governmentality will be the focus of the study.

Keywords: cybernetics; governmentality; new Soviet subjectivity, environmental governmentality, consciousness, happiness

Универсальность кибернетики, этометрия и моральное сознание

В последнее время бурное развитие исследований ИИ заставило пересмотреть подзабытые советские кибернетические инициативы шестидесятых, а ведь в то время царил настоящий культ кибернетики. Сложившийся в самом начале оттепели — сразу после идеологической реабилитации этой молодой отрасли научного знания — он по инерции поддерживался и в 70-е, хотя, может быть, без прежнего общественного энтузиазма. Действительно, как писал историк советской науки Лорен Р. Грэхэм: «В 60-х и начале 70-х годов кибернетика заняла в Советском Союзе намного более престижное положение, чем где-либо еще в мире»¹ (Грэхэм 1991, с. 266). Универсальность, присущая компьютерам, позволяла, как казалось, решать практически любые задачи — от полной автоматизации производства до подбора брачных партнеров и помощи в судебных разбирательствах (Пекелис 1973, с. 104–114). Обнаруживая информационную истину по ту сторону «обманчивой видимости вещей» (как выразился советский популяризатор кибернетики Виктор Пекелис), ЭВМ обнаруживала ее и по ту сторону иллюзорной саморепрезентации субъекта, претендуя на роль «электронного советчика» и в морально-психологических вопросах: как жить вместе — в семье или в трудовом коллективе.

25

«Недалеко то время, когда электронно-вычислительные машины станут играть колоссальную роль в развитии общества. Такая уверенность объясняется одной особенностью ЭВМ — универсальностью. <...> Ведь ЭВМ — это не просто огромный арифмометр, способный быстро выполнять вычисления и производить некоторые логические действия. ЭВМ — это универсальный преобразователь информации. А с информацией и ее преобразованием человек сталкивается всегда.

1 Безусловно, в остальном мире можно найти мыслителей-кибернетиков, которые придавали своей науке почти религиозное значение, — можно вспомнить Грегори Бейтсона или Стаффорда Бира (см.: Бейтсон 2019; Pickering 2010). Но, кажется, нигде кибернетика не достигла таких высоких институциональных позиций, как и СССР, и нигде на нее не возлагалось столько общественных надежд. О кибернетической экспансии в СССР см.: (Gerovitch 2002).

Преобразованием информации занимается и переводчик, и экономист-плановик, и математик, и поэт. Даже тогда, когда человек выполняет чисто физическую работу, его мозг перерабатывает информацию, координируя движения рук, ног. По существу, нет ни одного участка человеческой деятельности, где мы не имели бы дела с преобразованием информации. <...> Именно поэтому компьютеры все чаще находят применение в таких, считавшихся еще совсем недавно чисто человеческими областях, как творчество. Сегодня мы уже знаем, что компьютеры могут рисовать, сочинять стихи, писать музыку, знаем мы и об ЭВМ — эскулапах и шахматистах...» (Максимович 1976, с. 4–5).

Эта пространная цитата из интервью академика Виктора Глушкова — советского математика и кибернетика, разработчика знаменитой Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации (ОГАС) — журналисту Геннадию Максимовичу свидетельствует о многом. Проект ОГАС сегодня вновь стал объектом пристального внимания исследователей (см.: Peters 2016; Сафронов 2024; Кобылин 2024 и др.). Основной акцент, конечно, делается на экономические и политические эффекты этой системы — как планировавшиеся Глушковым в проекте, так и незапланированные — возникшие при попытке его реализации. Но не стоит забывать, что ОГАС, по Глушкову, была не только экономико-управленческой системой, но и морально-воспитательной машиной субъективации. Без этих амбициозных задач позиция Глушкова (в том числе и его рискованная игра на советском административном рынке) остается непонятной. И возможное кибернетическое решение проблем морального сознания стояло у него чуть ли не на первом месте.

Уже в самом начале беседы с Максимовичем Глушков рассказывает своему собеседнику о так называемой этометрии — науке, занимающейся математическим моделированием моральных структур и в частности — структуры совести. Поскольку книга построена как серия свободных бесед, призванных максимально понятным для неспециалиста языком разъяснить основы кибернетики и перспективы ее дальнейшего развития, никакого научного аппарата (ссылок, библиографии и т. д.) в ней нет. Кратко излагая принципы этометрии, Глушков обходится без имен и цитат, но, по всей видимости, в своем пересказе опирается на статью философа из ГДР Франца Лезера «Новое в логике и возможности ЭВМ», опубликованную на русском в шестом сборнике «Будущее науки» за 1973 год (см.: Лезер 1973). «Совесть» на кибернетическом языке этометрии — это регулятор, настраивающий уровень поведения отдельного человека (реальная величина) на уровень принятых в обществе норм и правил (заданная величина). Если разность между этими величинами превышает определенный порог, совесть из пассивного состояния

(«спокойная совесть») переходит в активное («угрызения совести»). Проблема, однако, в том, что этот регулятор работает у всех по-разному — для кого-то малейшее отклонение одной величины от другой является причиной морального беспокойства, а кто-то, напротив, не откликается даже на существенное расхождение. Лезер предлагает на основании этометрических исследований составить шкалу качества совести, где базовым показателем выступает наименьшая разность величин, на которую совесть начинает реагировать. Резюмируя все вышесказанное, Лезер пишет:

«Самопрограммирующийся автомат может моделировать только определенные логические или кибернетические аспекты совести. Он не чувствует угрызений совести и не страдает от бессонных ночей, когда значение разности велико. Но человек с его помощью может ставить эксперименты, создавать аналитические и прогностические модели поведения, которые далеко превосходят возможности традиционных методов. Автомат поможет человеку углубить понимание законов человеческого поведения, повысить квалифицированность своих решений и активно использовать полученные результаты на практике» (Там же, с. 173).

Конечно, здесь речь идет не столько об управлении, сколько об измерении. Но Глушков на скромных задачах, поставленных Лезером, не останавливается и в другой беседе — с экономическим обозревателем «Литературной газеты» Виталием Моевым — разворачивает целую программу кибернетических мер по достижению нередуцируемого к калькулируемому экономическому успеху личному счастью.

27

Счастье, нехватка и экономика

В подразделе книги бесед с Моевым с симптоматичным подзаголовком «Цель — гармония» Глушков настаивает на том, что конечной целью всех управленческих усилий является не столько «благо-состояние» человека (необходимое, но недостаточное), сколько его общее «состояние», которое, по Глушкову, должно включать высокий уровень «духовного комфорта, ощущения личного счастья (курсив наш. — И. К., К. И.), полноты жизни, согласия с миром» (Моев 1977, с. 119). Глушков не уточняет (а Моев не спрашивает), что вкладывается в понятие «духовного комфорта», например. Ему важно подчеркнуть, что цели социалистического общества лежат за границами экономики. Экономика — это не более чем «средство доставки».

Прежде чем последовать за мыслью Глушкова далее, стоит вспомнить, как вопрос посткапиталистической экономики ставился в доктринальных для советского общества текстах «основополож-

ников марксизма». Сам Маркс, как известно, полагал, что при коммунизме экономика в качестве отдельной сферы деятельности должна отмереть: преодоление всех видов отчуждения — в том числе и отчуждения человека от самого себя как производителя — стирает и всякий зазор между производительными силами и общественными отношениями. «Только на этом этапе самодеятельность совпадает с материальной жизнью. <...> Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды» (Маркс, Энгельс 1987, с. 71). Экономический обмен, построенный на нехватке, уступает место «отношениям всеобщности» родового человечества. Пьер Розанваллон так комментирует эти размышления Маркса:

«Экономика перестает существовать как отдельная сфера деятельности, теперь она становится просто индивидуальным и коллективным действием, имеющим целью сэкономить время труда, чтобы увеличить свободное время. <...> Она становится средством развития индивидуальности, которая управляет условиями собственной материальной жизни» (Розанваллон 2007, с. 206).

28

В общем, экономика не просто «должна быть экономной», как провозгласил Брежнев в своем отчетном докладе на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 года, ей придется без остатка к этой экономии (в смысле «сбережения») свестись. Отныне экономия, понятая исключительно как экономия рабочего времени, становится производством «основного капитала», а основной капитал при коммунизме — это сам человек.

Но все эти построения базируются у Маркса на представлении о том, что коммунистическое общество будет обществом материального изобилия — причем основу этого изобилия должна создать предшествующая формация. Действительно, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс специально оговаривают, что революционное уничтожение отчуждения предполагает не только уже состоявшееся превращение большинства человечества в «лишенных собственности» людей», но наличие того, от чего эти люди, собственно, отчуждены, — мира «богатства и образования», созданного благодаря колоссальному росту производительных сил. Иначе,

«...без него (развития производительных сил. — *И. К., К. И.*) имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость. Это развитие является, далее, необходимой предпосылкой потому, что лишь с этим универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей...» (Маркс, Энгельс 1987, с. 32).

Еще раньше, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, разворачивая сложную диалектику частной собственности и коммунизма, отмечает, что в своей начальной — грубой — форме этот последний движим resentmentом по отношению к упомянутому выше миру «богатства и образования». Будучи всего лишь «*обобщением и завершением*» частнособственнических отношений, грубый коммунизм обезличивает человека и стремится к тотальному уравниванию, исходя из минимума, определенного теми, кто не просто не перерос частную собственность, но скорее пока так и не достиг ее уровня. Этот минимум — «*неестественная простота бедного*», навязываемая всему обществу в качестве своего рода нормы. Здесь община предстает пока лишь всеобщим капитализмом, который — как всякий капиталист — испытывает зависть (а это, по Марксу, скрытая форма стяжательства) к чужому богатству и «жажду нивелирования». В итоге — «...первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» (Маркс 1956, с. 587). Но подлинный коммунизм — коммунизм в его зрелой форме — это возвращение человека к самому себе как к общественному существу, возвращение, происходящее, подчеркивает Маркс, «с сохранением всего богатства достигнутого развития» (Там же, с. 588).

29

Однако тут возникает проблема, поскольку сами понятия потребности и коррелятивное ему понятие изобилия (уничтожающего потребность) историчны и обладают значением только в конкретно-исторических общественных системах. Розанваллон напоминает, что у самого Маркса в «Капитале» «общественная потребность, то есть то, что регулирует принцип спроса, обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением» (Маркс 1956, с. 198). В этом смысле, пишет Розанваллон, понятие потребности просто дублирует понятие общественных отношений. С его точки зрения, здесь коренится основная ошибка Маркса. Завороженность революционизирующей силой капитала делает Маркса слепым по отношению к тому, что изобилие должно пониматься в качестве эффекта равенства социальных отношений. Как пишет Розанваллон: «Изобилие <...> можно определить как общественное состояние, в котором диалектика “потребность в имитации/потребность в отличие” уже не играет никакой роли; изобилие попросту выражает тот факт, что многообразие индивидов теперь проживается не как неравенство, а как различие» (Розанваллон 2007, с. 210). В этом смысле изобилие ничем не отличается от умеренности, и гимн Маркса всесокрушающему развитию производительных сил остается его личной идиосинкразией.

Розанваллон затрагивает здесь слишком большую и серьезную проблему, чтобы обсуждать ее в небольшой статье, посвященной советской кибернетике, но очевидно, что он полностью упускает либидинальную составляющую капитализма, к которой и Маркс, и, как это ни парадоксально, Глушков оказываются более чутки. Ниже мы увидим, что Глушков разрабатывал сложную систему управленческих мер по контролю над либидинальным потребительским излишком, пока же важно отметить, что он настаивает на фундаментальной, нередуцируемой нехватке ресурсов:

«Иногда рассуждают так, будто вторая сторона бытия — счастье — возникает как бесплатное приложение к богатству само собой. На самом деле ничего подобного. Материальные блага и духовный комфорт, то и другое одинаково дается ценой затрат, одинаково требует капиталовложений. А поскольку ресурсы и средства общества *всегда ограничены* (курсив наш. — И. К., К. И.), их необходимо гармонично распределять и на то, и на другое» (Моев 1977, с. 120–121).

30

Мысль о *неизбежной и неизменной* ограниченности ресурсов представляется Глушкову настолько важной, что он несколько раз повторяет ее на протяжении буквально пары страниц. Но если это так, и нехватка конститутивна для всех типов человеческого общества, включая, по всей видимости, и коммунистический, то и экономика, в том числе и как специфический раздел научного знания, будет вечной. Как известно, сама «буржуазная» экономическая наука в XX веке определяется как своего рода знание об управлении нехваткой. Лайонел Роббинс в статье 1935 года «Предмет экономической науки» так пишет об этом предмете: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»¹ (Роббинс 1993, с. 18).

Раз нехватка неснимаема, то ничто не освободит нас от необходимости с этой нехваткой работать. А значит, управление людьми (а не только вещами, как полагали основоположники марксизма) останется насущной задачей даже при коммунизме. Весь вопрос заключается в том, как именно нужно управлять.

Управление средой

Возможно, глубже прояснить замысел Глушкова нам помогут исследования Мишеля Фуко в области технологий и практик управле-

1 Ср. с определением из мейнстримового учебника по «экономикс»: «Экономика — наука о том, как общество управляет имеющимися в его распоряжении ограниченными ресурсами» (Мэнкью 1999, с. 30).

ния. В курсе «Безопасность, территория, население» (1977–1978) Фуко, как известно, вводит и относительно подробно концептуально разрабатывает понятие управленчества, или гуввернаментальности¹. Заявив в начале курса, что он «хотел бы начать исследование предмета ранее, в какой-то мере в предварительном порядке, обозначенного <...> как биовласть» (Фуко 2011, с. 13), Фуко довольно быстро смещает рамки анализа и заново переопределяет само поле исследования. Во-первых, понятия биовласти и биополитики в огромном — почти пятисотстраничном — курсе употребляются считанное количество раз. Если быть точным, то «биовласть» — три раза (один из них в примечании), «биополитика» — четыре раза (из них три в примечаниях)². Нельзя сказать, что тема нового диспозитива власти — власти над жизнью — у Фуко исчезает, но теперь этот диспозитив получает новое название — «устройство безопасности». Во-вторых, это новое имя задает и несколько иное направление биополитическим штудиям. Ранее Фуко интересовало само вхождение биологической жизни в историю: ослабление хватки голода и эпидемий в XVIII веке, то есть простое увеличение продолжительности жизни, позволило власти эту жизнь разглядеть в качестве таковой и сделать ее объектом своих стратегических расчетов.

«...То, что можно было бы назвать “порогом биологической современности” общества, располагается в том месте, где вид входит в качестве ставки в свои собственные политические стратегии. <...> Если вопрос о человеке и был поставлен — в его специфике как живущего и в его специфике по отношению к другим живущим — то причину этого следовало бы искать в новом способе отношения истории и жизни: в том двойственном положении жизни, которое ставит ее одновременно и вне истории — в качестве ее биологической окрестности, — и внутри человеческой историчности, пронизанной ее техниками знания и власти» (Фуко 1996: 248–249).

Однако, рассматривая те конкретные способы, которыми власть начинает управлять захваченной ею жизнью (подчеркивая при этом, что у жизни всегда остается ресурс сопротивления и усколь-

- 1 Фуко использует термин “gouvernementalité”. Российские переводчики так и не пришли к консенсусу, как именно стоит это слово переводить. В настоящее время встречаются три основных варианта — гуввернаментальность, управленчество и правительность. Мы будем пользоваться всеми тремя в зависимости от стилистического контекста. См.: (Фуко 2011; Фуко 2010). Гуввернаментальности у Фуко посвящена огромная исследовательская литература. См., например: (Дин 2016; Фогль 2022).
- 2 Речь идет об основном тексте. Еще несколько раз слово «биополитика» употребляется в прилагаемом к лекциям «Кратком содержании курса». См. предметный указатель: (Фуко 2011, 512–513).

зания от захвата), Фуко замечает, что эта управляемая жизнь всегда вписана в определенный ландшафт, воздействуя на который можно воздействовать и на совокупность живущего в нем населения. Человеческий вид в его «естественности» регулируется не напрямую, а посредством регуляции «среды обитания». Хотя само научное понятие среды, согласно Фуко, появляется только вместе с Ламарком, но «устройства безопасности уже ведут работу по ее созданию, организации и облагораживанию» (Фуко 2011, с. 39). Фуко приводит большую цитату из книги Жана-Батиста Моо «Исследования населения» (1778), свидетельствующую о рефлексивности этой работы:

«Если неведомое начало, которое формирует нравы и умонастроения, зависит от климата, жизненного уклада, обычаев, привычки к тому или иному поведению, то у нас есть основания утверждать, что государи — мудрыми законами, полезными установлениями, налоговыми ограничениями или их отменой, наконец, просто собственным авторитетом — управляют физической и нравственной жизнью своих подданных. И не исключено, что однажды можно будет употребить эти средства, чтобы придать нравственности и умонастроению нации желательную направленность» (цит. по: Фуко 2011, с. 41–42).

32

В этих наблюдениях Фуко уже проглядывают контуры нового аналитического поля — исследований губернаментальности, — поля, для которого биополитика по-прежнему служит рамкой, но оптика фокусируется на техниках управления, позволяющих «управлять, не управляя», минимизировать прямое вмешательство в «естественную» рациональность общества, понятого в качестве совокупности живущих. Далее Фуко разовьет понятие управленчества на примере детального разбора классического либерализма, немецкого ордолиберализма и американского неолиберализма в курсе «Рождение биополитики» (1978–1979)¹.

Техно-правительность и проблема способностей

Теперь мы в полной мере можем оценить амбициозность проекта Глушкова. Как уже говорилось выше, ОГАС в понимании советского академика-визионера — это не только и не столько технический прогресс, автоматизация производства и масштабная экономия средств. Это прежде всего многофункциональная губернаментальная машина, способная ко всему прочему еще и к производству новой — сознательной — субъективности. Речь действительно идет о том, чтобы «придать нравственности и умонастроению нации

1 См. подробнее: (Фуко 2010).

желательную направленность». Но если «управленцы» XVIII века для достижения этой цели предлагали воздействовать на климат и почву, рассчитывая, что изменения природы, понятой в физико-геологическом смысле, вызовут соответствующие изменения в «природе» населения, понятого как определенный вид, то для Глушкова очевидно, что человек второй половины XX века живет в мире со множеством сред, сложно переплетенных друг с другом, и в задачи кибернетических наук входит четкое определение цепочки опосредований управленческого воздействия.

Понятие среды вообще занимало особое место в советском дискурсе. Поскольку одной из главных задач, стоявших перед советской властью, была задача воспитания нового человека, вопрос о средствах такого воспитания стоял очень остро. Что формирует личность — социальная среда или генетика? Почему преступность сохраняется даже в социалистическом обществе? И можно ли по-прежнему квалифицировать алкоголизм, проституцию и прочие социальные девиации исключительно в качестве «пережитков капитализма»? В 70-е годы в СССР прокатилась целая волна публичных дискуссий на эти темы, и голоса биологов и философов, отстаивавших определяющее значение наследственных факторов, раздавались все громче¹.

33

Свою позицию по вопросу соотношения социальной среды и биологической природы Глушков высказывает без всякой двусмысленности:

«Человек довольно близкого коммунистического завтра вряд ли будет разительно отличаться от современного по индивидуальной конституции. Биологически род людской эволюционирует крайне медленно. <...> Сознательность — феномен социальный, а не биологический» (Моев 1977, с. 125–126). Но социальное для него уже опосредовано техническим, а значит, и формирование нового сознательного субъекта превращается в техническую задачу: «ближняя к человеку среда, в том числе и *техническая* (курсив наш. — И. К., К. И.), в которую «встроена» электроника, должна четко преследовать воспитательные цели» (Там же, с. 126).

Но как конкретно может быть решена задача такого техно-воспитания? В своих рассуждениях Глушков отталкивается от знамени-

1 Подробнее об этих дискуссиях, где одному из ключевых теоретиков так называемого «деятельностного подхода» психологу А. Н. Леонтьеву пришлось отстаивать ортодоксальную марксистскую концепцию личности в полемике с биологами А. А. Нейфахом и В. П. Эфроимсоном, защищавшими идеи генетической инженерии и «педагогической генетики», см.: (Грэхэм 1991, с. 222–236).

той формулы коммунистического идеала, восходящей к Луи Блану (или даже еще раньше — к утописту середины XVIII века Этьенну-Габриэлю Морелли), но ставшей популярной благодаря «Критике Готской программы» Маркса: «От каждого по способностям — каждому по потребностям». Согласно Глушкову, в этой формуле одинаково важны обе части, причем реализовать первую чуть ли не труднее, чем вторую. Действительно, общество еще должно научиться «взять» от каждого по его способностям. А для этого, полагает Глушков, необходимо создать соответствующую материально-техническую базу, предварительно всерьез занявшись социологией труда. Низкий символический статус и/или низкая зарплата часто заставляют человека отказаться от той желаемой сферы профессиональной занятости, в которой он мог бы максимально реализовать свои таланты. Нелюбимая, вынужденная работа — причина и *личного несчастья*, и экономической неэффективности¹. Следствием отчуждения от выбранной под давлением обстоятельств профессии становятся многочисленные хобби. В жизни значительного количества советских людей любительские увлечения начинают занимать главное место, в то время как официальная работа все чаще рассматривается как досадная необходимость — нужно где-то числиться, чтобы не попасть под статью о тунеядстве и иметь хотя бы минимальную финансовую возможность отдаться любимому «любительскому» делу. Глушков относительно мягко формулирует эту проблему, попутно отмечая преимущества социализма, способного позволить себе такой объем непроизводительной «самодеятельности», но его эта проблема очевидным образом беспокоит. Он предлагает разработать комплексную совокупность управленческих мер для того, чтобы выровнять различия «в условиях напряженности, престижности разных видов труда» (Моев 1977, с. 129). Речь идет не об административно-приказной уравниловке и не о воспитательно-пропагандистском давлении на население. Необходимо установить систему «упреждающих» обратных связей, информирующих управленческий аппарат о том, как именно люди относятся к разным видам труда на данный момент и какова динамика этого отношения. «Воспитательный» нажим здесь только помешает — идеологический месседж в духе «все работы хороши» и апелляция к «сознательности» затушевывают реальную картину, без знания

1 Впрочем, Глушков отмечает, что экономическая выгода и здесь не должна возводиться в абсолют. С точки зрения непосредственной эффективности труд дворника обходится дешевле уборочных машин. Но никакого удовлетворения от такого труда человек получить не может, и ни о какой реализации способностей здесь говорить не приходится. А значит, метлу необходимо заменить машиной, хотя такая замена и будет в убыток.

которой невозможно отрегулировать профессионально-квалификационное поле.

Регулировать его Глушков предлагает через компьютерные «банки данных». Обратившись к ним, можно попробовать сменить нелюбимую, надоевшую или разочаровавшую работу. Как именно — видно из следующего фрагмента беседы Глушкова и Моева:

«В. М.: Вот я, например, журналист... В. Г.: И вам, допустим, надоело в редакции, захотелось порыться в исторических материалах, в архивах? <...> Вы сообщаете об этом в городской центр сбора информации. Естественно, ваше пожелание будет там храниться в тайне. Центр “перелистает” остальную информацию: есть для вас подходящее место — пожалуйста. А нет — возьмет вашу заявку на учет и сообщит, когда вакансия откроется. Попутно в другой ячейке памяти ЭВМ отметит: плюс единица, желающая оставить журналистику, сравнит, есть ли и другие такие же сигналы, много ли их, что из этого следует» (Моев 1977, с. 133).

При этом Глушков предполагает и наличие чувства ответственности у ищущего новую профессию человека. Если же этого чувства нет, то его будет воспитывать машина через посредство своего рода «социального рейтинга»: сигналам гражданина, постоянно меняющего запросы и отказывающегося от предлагаемых вариантов, ЭВМ будет «верить с коэффициентом ноль целых и столько-то десятых» (Там же, с. 134). В общем, вас по-прежнему будут обслуживать, но уже с учетом неопределенности вашего желания.

35

Желание и потребности: грешники в раю

Мотив желания (или даже Желания с большой буквы) в целом очень важен для проекта Глушкова, и, переходя от способностей к потребностям, он разворачивает настоящую атаку на либидинальную природу экономики. Эта часть беседы вполне созвучна поискам западного марксизма 60–70-х годов, да и сегодня выглядит достаточно актуальной. Никакого абсолютного — полного и окончательного — изобилия достичь никогда не удастся: удовлетворенная потребность рождает множество других и процесс такого порождения в принципе бесконечен. «Понятие изобилия, сформулированное сегодня или в любой момент времени, вполне достижимо, и чем больше у нас сил, тем скорее. Но так же верно и другое — что завтра само понятие изобилия будет формулироваться иначе, и достижение его опять отодвинется в будущее» (Там же, с. 137). Пульсация ненасыщаемого Желания является триггером экономики бесконечного роста, в которой удовлетворенные потребности — не более чем вехи уходящего за горизонт маршрута.

Выше мы уже видели, что и в текстах самого Маркса проблема изобилия оставалась проблемой. Поскольку в мире реального советского социализма до изобилия во всех смыслах было довольно далеко, советская общественная наука тоже не спешила теоретически с этой проблемой разобраться, оставляя ее решение «на потом» (Глушков). Правда, в «Экономических проблемах социализма в СССР» (1952) Сталин возводит «удовлетворение потребностей» в основной закон социализма, но сам этот закон формулируется у него несколько загадочно:

«Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального *удовлетворения* (курсив наш. — И. К., К. И.) постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и социалистического производства на базе высшей техники» (Сталин 1952, с. 40).

36

При этом, говоря об основном законе капитализма (стремлении к максимальной прибыли), Сталин подчеркивает, что капитализм *«не может удовлетвориться»* (курсив наш. — И. К., К. И..) средней прибылью» и что «именно максимальная прибыль является *двигателем* (курсив наш. — И. К., К. И.) монополистического капитализма» (Там же, 38–39). Здесь важно само лексическое противопоставление мира максимального удовлетворения (социализм) миру бесконечной неудовлетворенности (капитализм). Но парадокс в том, что и при социализме потребности продолжают непрерывно расти, хотя капиталистическая жажда наживы здесь искоренена: Желания нет, а рост есть. Можно сказать, что сталинская онтоэкономика симметрична онтоэкономике Делеза и Гваттари — если последние постулируют Желание без нехватки, то первый — нехватку без Желания. Но что это за нехватка? Кажется, она существует только для того, чтобы продемонстрировать неистощимый запас «удовлетворения». Валерий Мерлин, комментируя сталинскую политэкономия, остроумно отметил:

«Нужно иметь бесконечный запас счастья, чтобы оно не тратилось от употребления, чтобы иметь его всегда. Мы имеем запас не для того, чтобы его употреблять: мы употребляем запас, чтобы доказать, что мы его имеем. Мы не тратим запас по частям: мы имеем его сразу весь. <...> Глубокий ресурс не поддается трате. Глубокое удовлетворение питается своей глубиной, как глубокое дыхание любви: нельзя выдохнуть воздух счастья» (Мерлин 2006, с. 68–69).

Относительно недавно Дотан Лешем убедительно показал, что отдаленным истоком и моделью бесконечного экономического роста при капитализме является святоотеческая модель перихорезиса —

внутрибожественного общения ипостасей, соединенная с домостроительством (икономией) воплощения и «христомимесисом» — таким общением Бога и человека, которое предполагает со стороны человека ненасыщаемое желание, а со стороны Бога — бесконечную любовь, приспособленную ко греховной человеческой природе. Лешем так описывает эту сложную теологическую конструкцию:

«Экономия начинается с приведения в действие механизма транскрипции, когда личность Сына являет себя в зеркале становления, ничего в этой транскрипции не теряя. В этом случае зеркало, в котором отражается и участвует Сын Божий, полностью очищается ипостасным союзом... Человек, принимающий участие в экономии воплощения, сохраняет свою особую природу, но эта природа уже очищена; хотя он продолжает оставаться человеком, он причастен божественной личности, а это означает, что Бог отражается и участвует в нем, не теряя при этом ничего из своей природы, проявленной в личности домостроительства. Это очищение в свою очередь допускает явление Святого Духа в “экономическом теле” после того, как Сын возвращается к Отцу. Личность, в которой происходит ипостасное соединение божественного и человеческого, уже готова стать следующим звеном в цепи и явить себя в еще одном зеркале, очистив его, и так далее до устройства полноты времен» (Leshem 2016, p. 71)¹

37

С этой точки зрения становление капитализма — это не процесс рационального расколдовывания мира и его радикальной секуляризации, где протестантский аскетизм сыграл роль не более чем исчезающего посредника, а скорее наоборот — речь должна идти об экспансии специфически христианской экономии — во всех смыслах этой последней. Коммодификация мира равняется его сакрализации. В этом контексте онтоэкономика Сталина может рассматриваться как «райская» — непрерывный рост лишается здесь своего эротико-языческого дополнения и становится аскетически «бесстрастным». Социализм в его сталинской интерпретации напоминает райскую сексуальность в описании Аврелия Августина: в раю у людей есть половые отношения, включающие и «плотские движения» и даже некоторое «возбуждение чувств», но сексуальная связь полностью лишена произвольного либидинального избытка и целиком находится под контролем воли (Бл. Августин 1998, с. 43–44).

Райская метафорика задействована и в книге Кети Чухров «Практикуя благо» (2020), посвященной масштабному ревизионистскому пересмотру советской культуры. Полемизируя с левым — прежде всего французским — постмодернизмом, сделавшим ставку на ра-

¹ Подробнее о концепции Лешема см.: (Кобылин 2023).

дикализацию Желания, Чухров справедливо отмечает, что такая ставка вряд ли может рассматриваться в качестве освободительной, поскольку капитализм всегда либидинален, а либидо всегда «капиталистично». В этом смысле позднесоветский «застой» — это не досадная потеря темпа (конкурентную гонку развития социализм у капитализма никогда не выигрывает, поскольку сама гонка — естественная среда капитализма), а структурная особенность: снятие базового отчуждения «отключает» и либидинальную энергию. Позднесоветский «развитой социализм» менее всего следует трактовать в качестве переходной (к коммунизму) формации. Скорее, это и есть единственно возможный исторически коммунизм, главная задача которого — не дальнейшее развитие, а сохранение уже завоеванного. Советский режим — это прежде всего режим, направленный на выявление и устранение любых либидинальных утечек — и в этом смысле, в конкретных исторических обстоятельствах конкуренции с западным капитализмом, обреченный на провал — сила соблазна была слишком велика. Поясняя ключевой тезис своей работы, Чухров приводит любопытную аналогию — критика советской системы (не важно, извне или изнутри) всегда будет напоминать «критику» рая со стороны грешника:

38

«Представьте, что некто вынужден реально жить безупречной коммунистической жизнью <...>. Для него это будет невыносимо именно потому, что его желания (на воображаемом и фантазматическом уровнях) все еще остаются с капитализмом, с “грехом”. <...> Страдание не может быть облегчено просто критикой индивидуального греха — необходимо либо в корне избавиться от желания определенных вещей и действий, либо бежать из рая. Наконец, рай можно уничтожить. Грешник может воплотить свои желания и фантазии в новой “не-коммунистической” (не-райской) реальности» (Chukhrov 2020, pp. 298–299).

В задачу статьи не входит развернутый анализ проблемы потребностей в советском обществе, но уже краткого экскурса в область доктринальных текстов официального советского марксизма и современного теоретического осмысления этого вопроса достаточно, чтобы оценить ее сложность. Как же эту проблему решает Глушков?

Во-первых, он разводит «безграничные потребности человечества» и индивидуалистическое стремление к личному обогащению: потребность не обязательно должна удовлетворяться через индивидуальное владение вещами. Во-вторых, потребности не следует ограничивать директивно. Необходимо наладить сложную губернаментальную систему, способную сбалансированно регулировать потребление, «срезая» либидинальный излишек. Сделать это нужно, исходя из двух — сформулированных еще Лениным — предпосылок: 1) учет и контроль трудовой и потре-

бительской активностей при коммунизме никуда не исчезнут; 2) безденежное распределение будет вводиться постепенно. Рассказывая о том, как, с его точки зрения, это постепенное введение возможно, Глушков честно предупреждает собеседника, что делится с ним (и, соответственно, с читателями) не выверенной теорией с уже проделанными необходимыми расчетами, а серией гипотез. Наиболее продуктивной гипотезой ему кажется та, что исходит из понимания конститутивной ограниченности ресурсов. На справедливое недоумение Моева — «делить дефицитные блага по потребности?» (Моев 1977, с. 140) — Глушков в качестве возражения выдвигает две идеи.

Первая сводится к тому, что современные ЭВМ позволяют радикально расширить систему безналичных расчетов. И здесь, подчеркивает советский кибернетик, нужно быть предельно осторожными: у людей должен сохраняться выбор, каким именно способом оплаты пользоваться. Но при этом безналичный расчет Глушков предлагает организовать так, чтобы он мог выполнять еще одну важную социальную функцию — минимизировать «левый» заработок. Для этого на банковский счет, с которого осуществляются безналичные покупки, могут поступать деньги только от официальных организаций, где люди получают зарплату. Возникают два круга обращения — «безналичный» и «наличный». Их пересечение асимметрично: с «официального» счета можно снять деньги и пустить их во второй круг, но положить наличные на «официальный» счет нельзя. Тем самым происходит первичная селекция «честных» денег и «сомнительных». На втором шаге создается система стимулов, заставляющих оставаться в официальном кругообороте: дефицитные товары можно приобрести только безналично, владельцу безналичного счета предоставляется государственный кредит, покупая с этого счета товары, вы сможете делать это по льготной цене и так далее. Ключевую роль здесь играет техническая среда — именно с ее помощью становится возможным управлять распределением без непосредственного репрессивного вмешательства.

Вторая идея имеет отношение к управлению уже посредством социальной среды, хотя и технически опосредованному. Для такого управления Глушков предлагает создать что-то вроде потребительских объединений или ассоциаций по месту жительства. Один «клуб» или «центр» на примерно двадцать тысяч жителей. Этот клуб будет включать в свою структуру отделение банка со счетами для упоминавшихся выше безналичных расчетов; «стол заказов», с возможностью купить билеты и в театр, и на поезд и оформить заказ на крупную покупку (телевизор/холодильник); наконец, несколько загадочные «чисто клубного характера помещения» (Моев 1977, с. 154). Но самое главное — этот клуб, где все друг друга более-менее

хорошо знают, сам по себе послужит кибернетической машиной распределения дефицитных ресурсов по потребностям.

Для запуска этой машины необходимо сделать так, чтобы компьютеры, которыми будут оборудованы потребительские клубы, фиксировали не только движение денег на вашем счете, но и номенклатуру и количество покупаемых вами товаров. «Учет будет осуществляться главным образом в закрытой форме и тем не менее позволит создать механизм обратной связи, делающий ассоциации коллективами сознательного потребления» (Там же, с. 157). Глушков видит это так: всегда можно посчитать, на какую долю редкого продукта может рассчитывать отдельная ассоциация. Именно эта доля ей и заявляется. Однако часто бывает, что этот товар (в примере Глушкова речь идет о бананах) кому-то нужен в больших количествах — приехали гости и нужно накрыть праздничный стол. Формально никто вам этого не запрещает — вы можете купить и десять килограмм, но ЭВМ покажет, что ресурс, выданный на районную ассоциацию, оказывается полностью потрачен. Сама машина не будет заниматься деанонимизацией «сверхпотребителя», но это может сделать коллектив общим решением:

40

«Каждый потребитель будет знать, что в определенный момент ваш “клуб”, если его члены не заботятся о разумном потреблении пресловутых бананов, будет отключен в дальнейшем от снабжения этим товаром. В других ассоциациях им будут торговать и дальше (но там вы не имеете права покупать), а в вашей — нет, все съели. Кто съел?.. Потребители ведь живут рядом, многие знакомы, часто встречаются у прилавка. Наверняка кто-то вспомнит, что академик Глушков или журналист Моев ели эти самые бананы как картошку. Ассоциация может решить: открыть их личный счет, пристыдить, чтобы не было повадно!» (Там же, 158).

Таким образом, через воспитательное давление общественного мнения, через киберсоциальный механизм обратной связи осуществляется процесс «правильной» субъективации: сознательный потребитель оказывается продуктом коммунистической губернаментальной машины, сочетающей традиционные формы общинного надзора¹ и продвинутый электронно-технический аппарат управления. «Счастье» здесь будет коррелятивно этой коммунистической губернаментальности. Освобожденный от фрустрации ненасыщаемого Желания,

1 О горизонтальном взаимном надзоре как матрице советской системы и о его общинных и монастырских истоках см.: (Хархордин 2016, с. 122–132). Здесь же см. о практике экзомологезиса (публичного покаяния) как основе восточнохристианского способа субъективации, который Хархордин противопоставляет тайной исповеди как преимущественно западного способа, подробно исследованного Фуко (Там же, 52–71).

но в то же время учреждаемый неснимаемой нехваткой; имеющий полное право свободно искать наилучшее применение своим способностям, но платящий за слишком долгий поиск понижением «социального рейтинга»; формально не ограниченный в индивидуальном потреблении, но в случае перехода либидинальной «красной линии» порицаемый потребительским коллективом жилого микрорайона — таков счастливый субъект глушковского техно-коммунизма. Конечно, многие рассуждения отца ОГАС сегодня выглядят наивно, а некоторые — довольно пугающе, заставляя мысленно обратиться — особенно на фоне современной потребительской оргии — к недоброй памяти антиутопиям о технологически продвинутом тоталитаризме (пусть у Глушкова мы видим его относительно мягкий вариант). Но даже не разделяя с Глушковым уверенности в правильности даваемых им ответов, стоит еще раз задуматься над вопросами: исчерпание ресурсов, климатическая катастрофа, грозящая нам вследствие бездумного потребления, либидинально подстегиваемая самоэксплуатация современного субъекта, бесконечная депрессия как специфически капиталистическая болезнь — все эти проблемы по-прежнему требуют нашего коллективного решения, и рефлексивный анализ прошлых попыток с ними справиться должен нам в этом помочь.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00395, <https://rscf.ru/project/25-18-00395/>

The article was supported by the Russian Science Foundation grant № 25-18-00395, <https://rscf.ru/project/25-18-00395/>

Список источников / References

Бейтсон Г. (2019) *Ангелы страшатся*. М.: Издательство АСТ.

— Bateson G. (2019) *Angels Fear*. Moscow: AST Publishing House. (in Russ.)

Бл. Августин. (1998) *О граде Божьем*. В 4 т. Т. 3–4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс.

— St. Augustine. (1998) *The City of God*. In 4 vols. Vol. 3–4. St. Petersburg: Aletheia; Kyiv: UTSIMM-Press. (in Russ.)

Грэхэм Л. Р. (1991) *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат.

— Graham L. R. (1991) *Natural Science, Philosophy, and the Sciences of Human Behavior in the Soviet Union*. Moscow: Politizdat. (in Russ.)

Дин М. (2016) *Правительственность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: VSTDNU.

— Dean M. (2016) *Governmentality: Power and Rule in Modern Societies*. Moscow: Publishing House “Delo” of RANEPА. (in Russ.)

Кобылин И. (2023) Необходимость случайности: экономия, история и добродетель пустоты. *Неприкосновенный запас*, 148 (2), с. 64–83. EDN: HQRFZU.

— Kobylin I. (2023) The Necessity of Chance: Economy of History and the Virtue of Emptiness. *Неприкосновенный запас*, 148 (2), pp. 64–83. (in Russ.)

Кобылин И. (2024) Кибернетический децизионизм академика Глушкова. *Еще один/Another One*, 3 (2), с. 12–39.

— Kobylin I. (2024) Cybernetic decisionism of academician Glushkov. *Another One*, 3 (2), pp. 12–39. (in Russ.)

Лезер Ф. (1973) Новое в логике и возможности ЭВМ. В книге: *Будущее науки. Международный ежегодник*. Вып. 6. М.: Издательство «Знание».

— Loeser F. (1973) New in logic and the possibilities of computers. In: *The future of science. International yearbook*. Iss. 6. Moscow: Publishing house “Knowledge”. (in Russ.)

Максимович Г. (1976) *Беседы с академиком В. Глушковым*. М.: Молодая гвардия.

— Maksimovich G. (1976) *Conversations with Academician V. Glushkov*. Moscow: Young Guard. (in Russ.)

42 Маркс К. (1955) Капитал (т. IV, кн. 3). В книге: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 25, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.

— Marx K. (1955) Capital (Vol. IV, Book 3). In: Marx K., Engels F. *Essays*. Т. 25, ch. 1. М.: State Publishing House of Political Literatur. (in Russ.)

Маркс К. (1956) Экономическо-философские рукописи 1844 года. В книге: Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. М.: Государственное издательство политической литературы.

— Marx K. (1956) Economic and philosophical manuscripts of 1844. In: Marx K., Engels F. *From the early works*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (in Russ.)

Маркс К. (1987) Немецкая идеология. В книге: Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные сочинения: В 9 т.* М.: Изд-во полит. литературы. Т. II.

— Marx K. (1987) German ideology. In: Marx K., Engels F. *Selected works: In 9 volumes*. Moscow: Publishing house of political literature. Vol. II. (in Russ.)

Мерлин В. (2006) *Производство удовлетворения: Очерки симптоматиологии русского тела*. М.: Знак. EDN: ZCGFYH.

— Merlin V. (2006) *Production of satisfaction: Essays on the symptomology of the Russian body*. Moscow: Znak. (in Russ.)

Моев В. (1977) *Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым*. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат.

— Moev V. (1977) *The Reins of Government. Dialogue with Academician V. M. Glushkov*. 2nd ed., suppl. Moscow: Politizdat. (in Russ.)

Мэнкью Г. (1999) *Принципы Экономикс*. СПб.: Питер-ком.

- Mankiw G. (1999) *Principles of Economics*. St. Petersburg: Piter-com. (in Russ.)
- Пекелис В. (1973) *Кибернетическая смесь*. М.: Издательство «Знание».
- Pekelis V. (1973) *Cybernetic mixture*. Moscow: Knowledge Publishing House. (in Russ.)
- Роббинс Л. (1993) Предмет экономической науки. *Thesis*, 1993, 1, с. 10–23.
- Robbins L. (1993) The Subject of Economic Science. *Thesis*, 1993, 1, pp. 10–23. (in Russ.)
- Розанваллон П. (2007) *Утопический капитализм. История идеи рынка*. М.: Новое литературное обозрение. EDN: VSHHXD.
- Rosanvallon P. (2007) *Utopian Capitalism. History of the Idea of the Market*. Moscow: New Literary Review. (in Russ.)
- Сафронов А. (2024) *Большая советская экономика: 1917–1991*. М.: Individuum, Эксмо.
- Safronov A. (2024) *The Great Soviet Economy: 1917–1991*. Moscow: Individuum, Eksmo. (in Russ.)
- Сталин И. В. (1952) *Экономические проблемы социализма в СССР*. М.: Госполитиздат.
- Stalin I. V. (1952) *Economic Problems of Socialism in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)
- Фогль Й. (2022) *Расчет и страсть. Поэтика экономического человека*. М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Vogl J. (2022) *Calculation and passion. Poetics of the economic man*. М.: Gaidar Institute Publishing House; St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University. (in Russ.)
- Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь.
- Foucault M. (1996) *The Will to Truth: Beyond Power, Knowledge, and Sexuality. Works from Different Years*. Moscow: Castal. (in Russ.)
- Фуко М. (2010) *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука. EDN: QWZAMT.
- Foucault M. (2010) *The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France 1978–1979*. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)
- Фуко М. (2011). *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука. EDN: QXBZNV.
- Foucault M. (2011) *Security, territory, population. Lectures at the Collège de France 1977–1978*. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)
- Хархордин О. (2016) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: YWZAOE.
- Kharhordin O. (2016) *Reveal and dissimulate: a genealogy of private life in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (in Russ.)
- Chukhrov K. (2020) *Practicing the Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Gerovitch S. (2002) *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge: Mit Press.

Leshem D. (2016) *The Origins of Neoliberalism. Modeling the Economy from Jesus to Foucault*. New York: Columbia University Press.

Peters B. (2016) *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge: MIT Press.

Pickering A. (2010) *The Cybernetic Brain: Sketches of Another Future*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

Об авторах / About the authors

Кобылин Игорь Игоревич — кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Научные интересы: политическая философия, исследования биополитики и управленчества, советская философия, политика времени и мультитемпоральность.

<https://orcid.org/0000-0003-4758-2346>. E-mail: kigor55@mail.ru

44

Igor I. Kobylin — PhD, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. Research interests include political philosophy, biopolitics and governance studies, Soviet philosophy, the politics of time, and multitemporality.

<https://orcid.org/0000-0003-4758-2346>. E-mail: kigor55@mail.ru

Игаева Ксения Владимировна — младший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Научные интересы: гендерные исследования, общество потребления, консьюмеристская культура, визуальные исследования.

<https://orcid.org/0000-0002-8581-0015>. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Ksenia V. Igaeva — Junior Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation. Research interests: gender studies, consumer society, consumer culture, visual studies.

<https://orcid.org/0000-0002-8581-0015>. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru